

Станислав Евгеньевич
Градов

Гена

Станислав Градов

Гена

«Издательские решения»

Градов С. Е.

Гена / С. Е. Градов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936822-5

Гена слышит стоны за стенкой. Гена нюхает нижнее бельё девушек, которых приводит в квартиру брат. Кроме побоев и голода, Гена ничего не знает, потому и пишет рассказ, где мёртвая Ася полностью принадлежит ему.

ISBN 978-5-44-936822-5

© Градов С. Е.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
ЧАСТЬ 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Гена

Станислав Евгеньевич Градов

© Станислав Евгеньевич Градов, 2018

ISBN 978-5-4493-6822-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

– Вон пошла! Вали! – орёт Костя. – Сука! Забирай вещи! И пошла! Пошла!

– Костя, пожалуйста! Нет! Ай! Больно!

Костя избивает Таню. И Тане больно. Очень больно!

– Гена! Гена! Помоги! Нет, не надо! Больно! Гена, помоги! Костя, не бей!

Но Гена ещё больше притих в своей комнате, боясь подать шорох, иначе влетит и ему. Но дверь в комнату и без его звуков резко открылась: влетает Таня, спотыкаясь, падает на пол, позади неё заходит Костя. Гена в ужасе смотрит на кровь, стекающую с Таниного лица. Ещё у неё на руках красные пятна. А из одежды на Тане – Костина рубашка и спортивные брюки. Таня босая, хотя в квартире холодно, успевает заметить Гена.

– Гена, тут просят тебя! – говорит Костя уже спокойным тоном и закрывает за собой дверь. В комнате теперь трое. – Танечка, ещё раз скажи. Ну? – Та молчит, вытирая слёзы и кровь. – Я даже стульчик тебе поставлю, – и Костя приставил к ней стул, скинув с него одежду брата. – Генка, тут такое дело, ты должен сейчас выручить эту суку. В принципе, сюда и зашли. Да, Танечка? – Костя толкает Таню ногой. – Вставай! Проси его! Ну!

Таня подчиняется, и Костя тут же даёт ей пощёчину, потом швыряет на стул.

Гена трясётся, страшно за Таню и себя. Гена знает: заступится – Костя изобьёт.

– Нет! – кричит Таня.

– Танюшка, я ж говорил: мой брат – больной мальчик. Не поверила, дурочка? Посмотри на него. – И Костя всаживает ещё одну пощёчину. – Давай по-хорошему – пошла вон, пока цела! Есть минута! – и Костя начал считать: – Шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь...

Таня встала со стула и побежала к двери, открыла её и вышла в коридор. Гена видит, как она снимает с себя брюки и рубашку, потом надевает то, что висело на вешалке. По звукам Гена понимает – теперь Таня в комнате Кости. Там она погромела разными склянками, баночками и ушла. Ушла, потому что хлопнула входная дверь.

– Братуха, опять неудача. Бабы все суки, да? – Костя попытался обнять Гену. – Иди к братику!

– Не хочу!

– А почему?

Гена пожал плечами.

– Иди, иди! – и Костя сам подошёл к Гене. Гена получил сильный удар в живот, отчего упал и закашлялся. – Козёл!

* * *

Гена остался один, в голове шум и сожаление, что не смог помочь Тане. Гена понимает, он трус, над этим и посмеивается брат, и посмеивается уже который год – с самого детства, если быть точным. Но то, что Гена трус – это Костя говорит, а Гена знает другое: он многое может сделать, но не настал ещё тот день, про который отец говорил.

Таня Гене нравилась. Гена даже пару дней назад тайком понюхал её брюки и свитер, которые висели в прихожей на вешалке, и обувь – она почему-то перед дверью в ванную стояла. Не раз Гена целовал стул, на котором сидела Таня (это было в кухне, тоже пару дней назад).

Теперь Гена Таню больше не увидит, и не услышит. Тани в этой квартире не существует.

Марина, Валя, Лариса, Нина, Оля, Саша, какая-то иностранка Анна, Катя, ещё раз Оля – это девушки, которые точно так же, как и Таня, покидали квартиру. Но из всех Гене нравилась Таня, потому что она не кричала, как остальные, когда Костя за стенкой ублажал свои,

непонятные Гене, желания. Гена даже не может представить, что Костя делает с девушками, которые там кричат и стонут.

– Генка, мать твою, сколько можно звать! – заорал из кухни Костя. Гена понял, лучше прийти и пришёл. – Чего сопли развесил? Чай давай!

Вот такой вот Гене достался старший брат. «Их не выбирают, братья даны для испытания», – говорил отец, когда на Гену приходилась основная доля Костиного негодования. Ещё отец советовал жить с братом мирно, «брат же, как никак». «Костя страшный человек, боюсь за вас» – а это отец сказал перед своей смертью.

– Ты больной? Чай спрашиваю где?

– Сам наливай! – буркнул Гена и убежал с кухни. За ним сорвался Костя, догнал, и Гена был избит ногами. – Сволочь! Пойдешь на органы, тварь!

* * *

По женскому голосу Гена понял, Костя привёл в дом другую девушку, и не Таня это (у Тани голос, словно песенку поёт, а новая девушка говорит низким голосом). Гена сразу представил цвет её волос – тёмный и почему-то должны быть длинными.

Гена прислушался, новая девушка и Костя говорили про еду, вино или водку. Костя сказал, чтобы Лена («Теперь Лена, надо запомнить», – отметил Гена) шла сначала в душ, потом на кухню.

В коридоре начались шебуршания пакетов, какая-то возня и чавканье. Гена понял – целуются. Потом сильный шлепок и дверь в ванную закрылась.

– Чтоб ни слова! Понял, урод? Сиди тихо! – открыв дверь, прошептал сквозь зубы Костя. – Пока не позову! – и до кучи Костя ногой пнул кастрюлю, в которую Гена ходит помогать, если Костя долго не разрешает выходить. Хорошо, что кастрюля была пустая.

В кухне Костя сказал Лене, что бы та теперь шла в спальню и раздевалась. Гена слышит Ленины шаги по коридору, в сторону комнаты брата она идёт. И тут же шаги останавливаются, Гена аж отскочил от двери, боясь, Лена откроет её. Но Лена пошла дальше.

– Я готова, – крикнула она. И дверь в комнату брата закрылась. И «началось».

Вот Лена: кричит, в отличие от Тани, и кричит громко, и стонет, даже стонет как-то не так – такие стоны Гена слышал в кино. Гена вспомнил это кино и представил картину за стеной. Но чтобы «поймать», как говорит Костя, хотя бы одну из девок, нужно быть нормальным. Но каким, Костя не говорит.

– Давай! – кричит Лена. – Да-вай! Давай! Давай! Давай! Давай! А-а-а-а – а-а-а!

ЧАСТЬ 2

Гена, пытаясь заснуть, выкидывает из головы звуки, раздающиеся за стеной.

– Надоели! Когда это закончится? Ненавижу! – выжимает он из себя. Не выдержав, выхватывает из-под головы подушку и прижимает к лицу. Дышать нечем, зато звуки прибились.

Часы показывает 3:18, будильник забарабанит в 6:30. Гена посчитал – спать осталось-то, да совсем ничего! «Стоны не прекратятся ещё долго», – знает Гена.

– На-до-е-ли! – бьёт он кулаком о кровать и садится на её край, накрыв одеялом плечи. Так Гена просидел минут пять, может и десять, потом снял брюки со спинки стула, накиннул их на себя и в одних брюках оказался в коридоре; там подошёл к двери брата. Но перед тем как стучать, поправил зачем-то волосы. Может, потому что хотел показаться «нормальным»?

По периметру закрытой двери бьёт яркий желтый свет, теперь жёлтый сменяется на красный, теперь два раза синий, зелёный, опять жёлтый, снова красный... Гена стучит по двери, также сильно и стучит сердце. Видно, Гене страшно.

– Чего тебе? – кричит из-за двери Лена. – Иди спать! – добавляет она, когда Гена постучал ещё раз.

– Гена, мудака! Спать иди, блин! – тут же зарычал и Костя. – Сказано же!

Гена опять стукнул, но уже не костяшками, а кулаком.

– Спать... мне... мешаете! – выдавливает он, опустив голову.

– Сейчас выйду и такого устрой! Лучше иди, дурак!

И Гена, боясь расправы, отшагивает назад. Правильно делает – дверь, словно легкая шторка, вываливается наружу.

– Мать твою!

В проходе Костя, голый, взбешённый. По его плечам спускаются капельки пота, на груди слипшиеся волосы. Они вместе с грудью, из-за дыхания, двигаются то вверх, то вниз.

– Мать твою! – повторяет Костя и замахивается. Гена не успевает защититься и получает по костлявому плечу. – Спать вали, выродок! Непонятно?

– Я, – захныкал Гена, – не могу! Я не могу уснуть. Я... я... не высыпаюсь. На работе меня потом ру... ругают.

– Не понял? – крикнул Костик и вмазал по плечу, но попал в прикрывающую его руку. Правда, сила удара такова, что Гене одинаково больно: что сейчас – с закрытым плечом, что тогда.

– Да тресни, Кость! Забодал! Чего вообще ему надо? – почти истерично закричала Лена.

Гена через плечо брата успевает заметить Лену – она своё тело прикрыла одеялом. «Голая», – додумывает Гена.

Цветомузыка продолжает мигать. Ленины ноги, как и цветомузыка, светятся одинаково с ней: жёлтый, красный, синий, зелёный, опять жёлтый. Гене нравятся Ленины ноги.

– Слушай, браток, дай потрахаться, если больной на эти дела. Короче, ва-ли! – и Костя захлопывает дверь.

– Во тварь! – слышит Гена Костин рёв, растирая плечо.

* * *

Гена поплёлся в кухню, так как спать всё равно уже незачем. Подойдя к плите, налил в чайник воды и сел.

На столе валяются две сушки, они посыпаны пудрой. Рядом с ними блюдечко, в нём какое-то застывшее липкое месиво красного цвета. Гена окунает туда мизинец, потом в рот. «Варенье, клубничное». Потом, посмаковав, решает: «Из вишни».

Закипает чайник. Гена встаёт, выключает газ и ставит на стол кружку, забрасывает туда щепотку чая и глушит кипятком разбросанные по дну мелкие листочки.

– Стоять!

Гена испугался и промазал, создав на столе небольшую лужицу с паром.

– Чего ночами жрёшь в одну пачку? Не дал нормально-аморально потрахаться! Тварь ты, Генка. Генка, ты тварь!

Гена тут же отлетает от стола.

– Чё пьешь, чаёк?

– Я, – начинает Гена, но Костя даже и не слушает.

– Где чистые кружки? Мать вашу, я спрашиваю: где в этой квартире чистые кружки? Ленка! – кричит на всю квартиру Костя. – Только и можешь трахаться, а помыть – ноги раздвинутые мешают? Не достаёшь до раковины, я понял. Ты, сука, как улитка!

Костя берёт Генину кружку, в которой уже набухли чайные листики, нюхает её и кидает в раковину. Из чашки плеснуло. Кипяток быстро стёк в дырочку, а чайные матлахи разбросались по раковине.

– Кофе налей! Чё сидишь, когда старшие обращаются?

Гена молчит, крутя свои указательные пальцы о большие, за что и получает локтем по спине.

– Когда тебе говорится, надо делать. Если ты такая козлина, то вали в конуру и сиди тихо. Ещё не понял, что я-хочу-с-Ленкой покурить? – чеканит Костя. – Ленка!

Входит Лена, кутаясь в халат. Её длинные красивые тёмного цвета волосы собраны в хвост.

– Костя, мне холодно там без тебя, а здесь вообще холодильник!

– Я печка греть?

– Из окон тянет, надо бы заклеить, – говорит Лена и нагибается к сидящему Гене: – Можно мы побудем тут одни? – её голос тихий.

– Заклеить? Ты где была месяц назад, «заклеить»? Ты у меня живёшь почти половину года, Стрекоза. Тебе надо не пупок летом натирать, а сани! Одни шалавы вокруг!

– Кость, а твой братик на грудь мою пялится. Смотри.

– Ему до бабьей титьки, как мне до... Ленка, мать твою, когда будешь мыть посуду? «Трахаться» – посуду не помоешь и жрать не приготовит. Я не хочу пить из этой, – Костя показал на валяющуюся кружку, – она вонючая. Из Гениной пасти разит, как от козлячей. Фу!

– Ты не печка, а я не золушка, – улыбается Лена. – Тут братик твой на грудь зырит, почти в ладошку взял, а тебе всё равно? Ну, ладно!

– Да педик он! Ему до твоих сисей одинаково. Скажи, Генка: на фига они тебе? Вон, у тебя у самого они есть, целых две, ласкай сосок себе сколько хочешь, – и Костя покрутил пальцами вокруг своих сосков, потом схватил и Ленину грудь, поподбрасывал её несколько раз перед Гениными глазами и неожиданно, свободной рукой, схватил Гену за шею. Гена вырвался и побежал в коридор. Всё это сопровождалось Лениным смехом. – Сигареты взяла, девственница? Сука, в этом мире есть вообще девственницы?

Гена подходит к своей комнате, но его отвлекает другая, которая распахнута. Тут, после многочасового секса, пахнет чем-то волшебным, манящим: клубника, сигареты, есть и ещё какой-то сладкий запах, наверное, духи, которые Лена брызгает на своё тело. Гена делает глубокий вдох и закрывает глаза, в голове поплыло. Не выдержав качки, Гена открывает глаза и останавливает мутный взгляд на тумбочке, то есть на валяющемся лифчике и трусиках. Подходит к ним. Берёт в руки лифчик, расправляет его и представляет, как здесь лежат груди. Потом подносит чашечки к носу и нюхает. Несравнимый ни с чем сладкий запах, это они так пахнут тут. Гена так уже делал, когда здесь жила Таня, или Наташа. Но их запах не сравнить с Лениным.

Гена швыряет лифчик обратно на тумбочку, потому что слышит приближающиеся шаги.
– Костя! – закричала Лена. – Быстрее!

* * *

Гена открыл глаза. Ковёр, кровать, твёрдо лежать... всё это говорит о том, что Гена заснул на полу.

Эти мысли, словно ушные затычки, не дают возможность услышать будильник, который, тем не менее, звенит на всю комнату. Звенит, звенит, звенит. Наконец, Гена слышит его. Пристав с пола, опираясь на левую руку, он тянет другую к столу – там и орёт будильник. «6:31», – мигает на экране. Гена выключает его.

Не обращая внимания на гул в голове и боль в плече, Гена стряхивает что-то со щеки. Это крошки. Далее Гена надевает носки, берёт со стула брюки, натягивает их, руки пропускает в свитер, потом просовывает его через горло и выходит в коридор. В квартире зябко, от этого ещё больше хочется спать.

Дверь брата закрыта, «спят, значит».

Гена закрывает свою и проходит в кухню. На столе, как в любое утро после смерти отца, всегда валяются кривые окурки, пепел, грязные стаканы, пустые бутылки, а сегодня ночью добавилось ещё и блюдо с вареньем. Гена дует на стол, но пепел, поднимаясь вверх, из варенья не вылетает, а ещё сильнее впечатывается. Опустошив стакан воды, налитый из чайника, Гена возвращается в коридор, тихо одевается и покидает квартиру.

Подъехал лифт, не пустой: в нём девушка и мужчина. Гена иногда их видит. Девушка хихикнула.

– Чего ты? – обратился к ней мужчина. – Что смешного? – та молчит. – С каждым такое может случиться. Да? – это он говорит уже Гене, подмигивая. Гена не понимает о чём речь. Теперь девушка уже не сдерживается и начинает истерично ржать.

Лифт открылся, на стене написано «первый этаж». Гена выбегает, но не от истеричной девушки, а спешит на работу.

На улице ещё темно, светлеть начнёт к часам десяти, а солнце взойдёт вообще к двенадцати. Этим зима и не нравится Гене – всегда темно: утром, днём, вечером, всегда!

Гена проходит мимо машин, потом останавливается и, по привычке, смотрит на окна своей квартиры. Там темно.

Теперь в магазинчик. Гена заходит в него. Продавщица что-то раскладывает – это пакеты с молоком. Она берёт их из серого ящика и кладёт на верхнюю полку холодильника.

– Здрасьте.

– Блин, напугал, – сонно отвечает она.

– Там... кефир, дайте.

– Не спится? А, ну да, ударник труда это. Деньги есть?

– Да. Тыща есть.

– Ого, – удивляется продавщица. – Такой тебе кефир?

– Ну. Потом, вон ту булочку, да, её и колбасок.

– Может, сосисок?

– Их, да. Мне всё.

– Сто двадцать рубликов давай, – продавщица держит пакет с едой рядом с собой.

Гена лезет в карман брюк и вместо денег достаёт какую-то фальгированную обёртку, зубастую по краям с надорванным по всей длине кончиком. На ней изображен улыбающийся гусар и рыжеволосая русалка. Они целуются. Гена приноживается – клубника. Потом лезет в другой карман, а там – пусто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.